Орлова Любовь Петровна. 29.1.02

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ СТРАНЫ СОВЕТОВ

Моск. комсомолец. – 2002. – 29 янв. – с. 4.

Легенде отечественного кино 100 лет

Нет более яркого имени в нашем кино, чем Любовь Орлова. Ее обожали, любили, боготворили. Страна пела ее песни, женщины одевалась под Орлову, носили прически, как у Орловой, а среди самых горячих поклонников советской звезды был Иосиф Сталин. Последнее время о Любови Орловой написано немало. Что в ее жизни правда, а что легенда, узнать уже невозможно. В юбилейные дни "МК" решил идти не путем легенд, а расспросить тех, кто лично знал Любовь Петровну. Это артисты Театра им. Моссовета, куда пришла из кино Любовь Орлова, где сыграла в спектаклях "Кукольный дом", "Милый лжец", "Странная миссис Сэвидж"...

"Фея, суши сухари, я жду ареста!"

Геннадий БОРТНИКОВ. Еще мальчишкой я увидел Любовь Петровну в спектакле "Лиззи Мак-Кей", где она играла главную героиню. Любовь Петровна подарила мне автограф. А потом, когда я пришел в Театр им. Моссовета, она после моей первой премьеры — спектакля по пьесе Виктора Розова "В дороге" — поздравила меня и преподнесла огромную пунцовую розу.

В театре у нас была своя компания: Фаина Георгиевна Раневская, Любовь Петровна, режиссер Ирина Сергеевна Анисимова-Вульф и я. Кстати, именно Ирина Сергеевна привела Орлову в театр. Анисимова-Вульф была вторым режиссером на фильме Георгия Александрова "Весна".

В самом начале моей театральной карьеры Любовь Петровна преподнесла мне ценный урок. Главный режиссер Юрий Александрович Завадский, откликаясь на зов партии, вынужден был создавать всевозможные "датные" спектакли. Среди них был и "Шторм" Билль-Белоцерковского. По замыслу Завадского, на сцене сидит вся труппа во главе со звездами театра, а затем, постепенно, начинается спектакль, и те, кто секунду назад гордо восседал в вечерних туалетах, в драгоценностях и орденах, становятся персонажами советской пьесы о революции. Звезды всячески манкировали спектакль. Неукротимая Раневская на первой же репетиции разругалась с Завадским. Она доводила его до бешенства, Завадский бросал карандаши, подбегал к окну, на что Фаина громогласно кричала: "Не прыгайте, там первый этаж, все равно не разобьетесь". А Любовь Петровна "заболела", объяснив мне: "Геночка, если вам не хочется что-то делать, не идите на скандал, всегда скажитесь больным". Любовь Петровна рассказывала, что она не любила ездить на приемы к Сталину и тоже старалась сказаться больной.

— Вам никогда не хотелось сыграть в одном спектакле вместе с Орловой?

— Очень хотелось, я даже нашел пьесу, по тем временам невероятно скандальную, — "Гарольд и Мод", где роль немолодой дамы, мне казалось, могла подойти Орловой. Но я боялся ей эту возрастную роль предложить. И решил посоветоваться с Раневской. Фаина просмотрела пьесу и говорит: "Ни в коем случае не показывайте это Любочке, лучше я сыграю эту старуху, а то вы на всю жизнь испортите отношения с Орловой". Раневская очень любила Орлову, и когда Фаина начинала бушевать, успокоить ее могла только Любовь Петровна. Так и говорили: "Надо вызвать врача — Орлову". Но мне Фаина порой жаловалась: "Геночка, ну посмотрите, Любочка "прэлэстно" выглядит, у нее мордочка, как жопка у новорожденного. А я полнею, еле хожу. Какая судьба, я в кино играю ее тетушек и бабушек, а ведь Любочка всего на шесть лет младше меня".

Потом я все-таки сказал Орловой о пьесе, на что она мне ответила: "Я знаю эту пьесу, я могла бы в ней сыграть, но еще слишком молода для нее". Но однажды мы с ней встретились в одном спектакле, это был спектакль-концерт, подготовленный Завадским не к революционной, а к какой-то более человеческой дате. Мы с Орловой читали стихи. Любовь Петровна, кажется, Тютчева, а я Пушкина. В этом спектакле мы стояли рядом, сначала Орлова, а через номер шел я. А так как наши гримерные были по соседству, то и отправлялись мы на сцену вместе. Причем у Орловой была тетрадочка с записанными в нее стихами, и потом, стоя за кулисами, она по тетрадке проверяла текст. И вот стоим мы, ей выходить, и вдруг она говорит: "Гена, я забыла тетрадь!". Я ей: "Но вы же помните текст". Она читает, но сбивается. "Гена, бегите за тетрадкой!". Я бегу, но предупреждаю: "Если не успею, то выходите смело, читайте, что помните, потом раскланяйтесь и уходите, все подумают, что так и надо". Добежать я до гримерной не успел, объявили ее выход, текст она не вспомнила, прочитала четверостишие, раскланялась и ушла. Аплодисменты, зрители и впрямь ни о чем не догадались. Выхожу я и... сбиваюсь, машу рукой и читаю другое стихотворение. За кулисами Любовь Петровна говорит: "Гена, я вам сорвала выступление, с меня коньяк".

— Любовь Петровна выпивала, курила?

— Никогда не курила, но полрюмочки коньяка выпить могла. Как-то после репетиции Анисимова-Вульф решила проводить Орлову домой, Орлова и Александров жили в квартире над популярным в те времена кафе "Лира", сейчас там "Макдоналдс". Пришли к Орловой, Любовь Петровна предложила зайти на чашку чая, а к чаю — полрюмочки коньяка. Посидели, выпили. Любовь Петровна вызвалась проводить Анисимову-Вульф, та жила у Белорусского вокзала. Пришли к Анисимовой-Вульф, вновь выпили по чашке чая и по полрюмочки. Орлова собирается домой, Анисимова ей: "Нет, я вас не отпущу, вы пьяная". И вот так ходили они по Тверской, пока Орлова не посадила Анисимову в такси и та не уехала.

— Вы бывали у Орловой дома, это было роскошное жилье?

— Сначала Орлова и Александров жили где-то напротив Моссовета, там я не был, а в квартире над "Лирой" бывал. При их переезде случился забавный эпизод. Орлова и Александров решили сделать ремонт, превратив две комнаты в большую гостиную. Когда сносили стены, то пробили пол так, что в "Лире" рухнула люстра. Никто из посетителей кафе не пострадал, но Орлова страшно перепугалась, звонит Раневской и говорит: "Фея, суши сухари, я жду ареста!". Особой роскоши я не помню — просторно, антикварная мебель, привезенная со старой квартиры, соседствовала с современной финской стенкой. И множество всевозможных ситцевых занавесей, занавесочек, скатерочек. Любовь Петровна обожала ситец и все эти тканевые украшения делала сама, собственными руками. Но нигде на стенах я не видел ее фотографий или афиш, никакого самолюбования.

— А что касается театральных интриг, борьбы за роли?

— Никогда. Если Орлова на что-то и обижалась, то могла поплакаться "в жилетку" мне или Раневской. Мы с вами беседуем в гримерной, которая была закреплена за Орловой, теперь я здесь гримируюсь. А рядом была гримерка Веры Петровны Марецкой — хозяйки театра (в свое время Марецкая была женой Завадского). Как-то я прихожу к Орловой, и она мне говорит: "Гена, как здесь душно, вентиляция не работает!" (Смешно сказать, но вентиляция и сегодня не работает.) Любовь Петровна выбегает в коридор, открывает дверь гримерной Марецкой и восклицает: "А у нее хрустальная люстра, вентиляция, атласный диван!" Оказывается, это ее волновало, но ничего не просила и по начальству не бегала. Все было глубоко внутри. Она мне как-то сказала: "Ненавижу согнутую позу поклона!" И ничего не просила, поэтому и спектаклей у нее было ничтожно мало. Пожалуй, самым громким успехом пользовался "Милый лжец", где Орлова играла английскую актрису Патрик Кэмпбелл. А когда Орлова произносила знаменитую фразу: "Мне всегда будет тридцать девять лет, и ни годом больше", зал разражался пятиминутной овацией. Орлова была удивительно пластична. На вечеринках, которые проходили у нас в театре, мы с ней отплясывали твист и рок-н-ролл.

Она никогда не была старой

Татьяна БЕСТАЕВА: Любовь Петровна была далеким от бытовой шелухи человеком. Всегда в себе, закрытая, загадочная. Может быть, это ее личностная суть, а возможно, было что скрывать.

Что касается деликатности Орловой, то мне вспоминается один эпизод. У нас в театре долго шел спектакль "Глазами клоуна", где главную роль играл Гена Бортников, а я выступала в роли любовницы его отца. На мне было сексуальное трико под "леопарда", я возлежала очень призывно на тахте... После просмотра Любовь Петровна ко мне подходит и тихонько, с улыбкой, говорит: "Танечка, у вас такое амплуа, что вам нельзя поправляться. Вы представляете, что испытывает каждая женщина, а уж тем более актриса, если ей кто-то скажет, что она поправилась. Но я не испытала ничего, кроме умиления, так неожиданно заботливо было это сказано.

Про Орлову ходило множество слухов, самые распространенные, что она ничего не ест, сидит на строжайшей диете и что она фантастически богата. Что касается диеты, то помню, как мы были на гастролях в Болгарии, и наши обеды и ужины проходили всегда за одним столиком в ресторане. И Орлова съедала с удовольствием все, что приносили, даже десерт. В театре, когда мы собирались, чтобы отметить какой-то юбилейный спектакль, Орлова к нам присоединялась, причем всегда приносила домашние пирожки. Она их сама пекла, и это было нечто фантастическое — маленькие, блестящие, очаровательные, глотались как семечки.

В театре Любовь Петровна появлялась нечасто, ролей и у нее, к сожалению, было немного, но, когда приходила, — выглядела блестяще. Как-то на одном торжественном вечере я увидела Орлову, одетую в какой-то изысканно-строгий наряд. Я не удержалась и сказала: "Любовь Петровна, как это красиво!" А она мне отвечает: "Но это не мое, я взяла этот наряд напрокат в Доме моделей у художницы Ораловой". Оралова была ее приятельницей. Я еще подумала: Орлова берет напрокат! И где же тогда богатства, о которых так много говорили? Ведь если бы были деньги, то или бы купила, или сшила. Наверное, когда-то деньги и были, но в те времена она уже не снималась, да и всех фильмов-то было всего ничего. А так, как на Западе, когда от проката артисту идет определенный процент, у нас такого чуда никогда не было. А в театре — только оклад.

На сцене я встречалась с Орловой только в спектакле "Странная миссис Сэвидж", я играла там роль дочери Сэвидж — Лили Бэлл. Сначала в роли Сэвидж выступала Фаина Георгиевна Раневская. И это была потрясающая, несравненная, ни на кого не похожая Сэвидж, потом Фаина Георгиевна от этой роли отказалась, в "Сэвидж" ввелась Орлова, а затем в спектакле выступали Марецкая и Шапошникова.

Как играла Орлова? Она казалась странной, потому что была маленькой, хрупкой, трогательной. Когда Орлова вводилась, то никаких фокусов, никакой звездности, точно выполняла все указания, чувствовалось, что дома она серьезно готовилась. Когда я находилась вместе с ней на сцене, у меня ком в горле стоял, так обворожительна, притягательна была Любовь Петровна.

Помню, после летнего перерыва мы играли первый в новом сезоне спектакль "Сэвидж", и по роли я должна упасть перед Сэвидж на колени. И вот я на полу, лицо Орловой передо мной, близко-близко, и я невольно ловлю себя на мысли: "Да она же выглядит моложе меня, как ей это удается?" Мы тогда, конечно, ничего не знали о чудесах пластической хирургии. И я после спектакля сказала: "Любовь Петровна, вы так хорошо выглядите!" Она мне: "Танечка, все лето дышала, дышала, дышала на даче". Конечно, никогда и никому она ничего не рассказывала о том, какими способами достигается ее вечная молодость.

Когда Любови Петровны не стало и я пришла с ней попрощаться, то в гробу лежала не Орлова. Орлова — это сияющая улыбка, искрящиеся глаза. В те траурные дни было много звонков из газет, журналов, и все просили последние фотографии Орловой. Театр давал фото, а в ответ слышал: "Нет, не то, нам нужны последние фотографии, когда она старая". Но Орлова никогда не была старой!

Владимир КОТЫХОВ.